

АНДРЕЙ УПИТ • НОВЕЛЛЫ

Annotation

Предисловие к сборнику новелл известного латышского писателя Андрея Упита.

-
- [Арвид Григулис](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

Арвид Григулис

АНДРЕЙ УПИТ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Имя Андрея Упита уже давно принадлежит не только одному латышскому народу.

В письме от 19 сентября 1953 года Александр Фадеев писал выдающемуся латышскому писателю:

«Своими романами Вы точно сказали читателю всех наций: «Не глядите на то, что народ мой численно не так уж велик, жизнь его так же значительна, полна такого же великого содержания, как и жизнь любой из наций. В купели человеческих страданий и среди побед человеческого духа *его* слезы и муки, *его* мечты, *его* борьба тоже оставили свой глубокий след. Из собственнического мира с его искаженными отношениями, унижающими душу человека, к миру свободному и счастливому мой народ выходил такими же трудными, сложными путями, как выходили и еще идут другие народы земли, и на этих путях он рождал людей большого гуманистического духа и проявлял все величие героизма. Вот почему я считаю прошлое моего народа не менее значительным, чем прошлое любого другого народа, большого или малого. И вот я вам показываю во всех проявлениях жизнь наших крестьян и рабочих, нашей передовой интеллигенции, показываю весь тот собственнический мир, все те гнетущие силы и все те силы непонимания и колебания, которые стояли препятствием на пути исторического прогресса моего народа, и теперь вы вместе со мной, автором, будете так же любить наши села и города, наших передовых людей, нашего рабочего и крестьянина-труженика, и это и есть мой вклад, писателя Андрея Упита, в художественную сокровищницу человечества».^[1]

Хотя А. Фадеев в своем письме уделил все внимание лишь двум последним романам Андрея Упита — «Земля зеленая» и «Просвет в тучах», — его емкие слова относятся ко всему творчеству выдающегося прозаика, драматурга, критика и литературоведа, прожившего долгую жизнь (Упит родился в 1877 году), которая по времени почти соответствует возрасту всей латышской национальной литературы.

* * *

...Небольшая кучка строений, занесенная сугробами. Среди

них жилой дом, который можно узнать по тонкой струйке дыма, почти беспрестанно тянущейся из трубы. Порою ветер относит ее, порою прижимает к самой крыше, а иногда она стоит прямо, как навошенная бечева. Временами это единственный признак жизни среди этой невзрачной кучки строений, где, кроме жилого дома, есть еще хлев, клеть, овин и какой-нибудь сарай. Это небольшой замкнутый мир, где свой жизненный ритм — уход за скотиной, пора теребить лен, ехать в лес и т. п. Так выглядела крестьянская усадьба зимой в сравнительно недавнее время.

В латышской литературе было и еще осталось довольно много писателей, выросших в бедных усадьбах и создавших хорошие произведения о своих детских годах, с великолепными картинками природы. Но изображения зимы в этих романах, повестях или рассказах, как правило, почти нет. Почему? Неужели зима не имеет своих прелестей? Ничего подобного. Зимнюю природу бедный крестьянский ребенок мог видеть только через замерзшее окно, потому что наружу почти не выбирался — не было обуви.

Лето. Лето — сплошная рабочая пора. А еще тяжелее осенью, до затяжных дождей. Все в спешке, в горячке, одна работа подгоняет другую, рабочих рук не хватает.

Зимой не о чем говорить, в страдную летнюю и осеннюю пору некогда говорить. Что ж удивительного, что народ за столетия стал молчаливым, замкнутым? С самых ранних детских лет все приходится продумывать самому, решать самому.

В таких условиях началось и прошло детство Андрея Упита.

В какой-нибудь сотне километров от Риги на берегу Даугавы стояла такая типично латышская крестьянская усадьба. Не очень богатая, не очень и бедная. Батрацкая половина разделена на две части, потому что у хозяина двое исполщиков. У каждой семьи исполщика своя комната на батрацкой половине.

Одна такая комната принадлежала и семье Упитов.

Была у этой хуторской жизни еще одна особенность. Чтобы долгие зимние вечера не проходили зря, по стародавней традиции все обитатели усадьбы собирались в одной большой комнате и при маленькой керосиновой лампе без стекла занимались своим ремеслом — делали деревянную посуду, вили веревки, гнули полозья и дуги, женщины ткали и пряли.

Здесь рассказывались сказки или бывальщины, а если среди собравшихся находился парнишка, который умел читать и было что читать, то он, пристроившись у самой лампочки, читал вслух для всех.

Таким чтецом в усадьбе на берегу Даугавы стал маленький Андрей. Читал он главным образом календари, которые в

истории латышской культуры сыграли, пожалуй, большую роль, чем у какого-либо другого народа. Столетиями в усадьбе крестьянина знали главным образом три книги — Библию, духовный песенник и календарь. К календарям прилагалась довольно объемистая литературная часть, где печатались занимательные рассказы, в основном переведенные с немецких лубочных изданий. Но даже эта скудная духовная пища была необходима людям, жизнь которых ограничивалась пределами усадьбы. Эти рассказы наводили на мысль, что может быть и другой мир, кроме хуторской бедности и узости.

Тогда-то и родилась в душе юноши первая мечта — вырваться, уйти от деревенской нищеты. Но как?

Был только один путь — труд. Было только одно средство — труд. Труд. Труд. Труд.

В семье Упитов было два сына. В бедном крестьянском хозяйстве нет иного выхода, кроме использования детского труда. Работа от зари до зари. Книгу можно раскрыть, только урвав время от скупого полуденного отдыха. Почти до середины девяностых годов Андрей Упит вел упорную борьбу за существование. Не раз казалось, что схватка проиграна. Но вновь собраны силы и борьба продолжается. Казалось, у деревенской нищеты тысячи рук, которые крепко держат человека и гнут его к земле. Эту силу надо было преодолеть.

Но юноша упрямо тянется к знаниям, хотя тяжелый крестьянский труд забирает очень много времени. Еще в волостной школе он делает первые попытки писать, сочиняя рассказы по образцам, вычитанным в календарях.

Хотелось видеть что-нибудь и напечатанным. Он записывает пословицы и поговорки своей местности, посылает в газету — и их публикуют.

Стимул возрастает.

В 1896 году ему кажется, что уже можно рискнуть и совершить решающий поворот в жизни.

Мать кладет в чистую холщовую торбу каравай хлеба, немного масла и кусок сала. Это на дорогу. Андрей Упит отправляется в Ригу сдавать экзамен на звание учителя. Вроде бы знаний, полученных путем самообразования, должно хватить.

Хватило.

Андрей Упит получает учительские права и начинает работать.

Середина девяностых годов, когда Упит делает первые шаги в литературе, — сложное время в истории Латвии.

История латышского народа отмечена той особенностью, что национальная культура, в том числе и литература, смогла начать развиваться только после отмены крепостного права (1817–1819). Немецкие бароны фактически превратили весь латышский народ в своих крепостных. В этих условиях национальная культура могла проявляться только в сфере народного творчества — фольклора. Однако в прибалтийских губерниях капитализм развивался быстрее, чем в остальных губерниях Российской империи. В этих условиях латышскому народу пришлось столкнуться в своей борьбе с тремя главными противниками — русским самодержавием, немецкими помещиками и национальной буржуазией, которая после отмены крепостного права быстро сформировалась.

Характерно и то, что латышский пролетариат формировался главным образом из крестьянства, и привязанность к родным усадьбам, к крестьянскому труду прочно держалась в его сознании. Не случайно, имея в виду первый латышский пролетариат, Андрей Упит назвал его «закопченными в фабричном дыму землеробами».

Одновременно с классовым расслоением общества происходит и дифференциация интеллигенции. В среде учащейся латышской молодежи в девяностые годы возникает активная группа прогрессивно мыслящих людей, которые в поисках ответа на выдвинутые жизнью вопросы приходят к марксизму и, последовательно штудировав его, овладевают марксистским мировоззрением. Они группируются вокруг газеты «Диенас Лапа» и в дальнейшем входят в историю латышской общественной мысли под названием «новое течение».

Свое основное назначение «новотеченцы» видели в овладении марксизмом и в ознакомлении общества, особенно пролетариата, с идеями социал-демократии. Наиболее передовые из «новотеченцев» становятся первыми организаторами нелегальных марксистских рабочих кружков. Из них же впоследствии вырастают руководители социал-демократической партии, такие, как соратник В. И. Ленина и глава Советской Латвии в 1919 году П. Стучка. Фр. Розинь, поэт Я. Райнис, литературный критик Я. Янсон-Браун, и другие.

Большое значение «новотеченцы» придавали литературе. У этой группы было много последователей среди писателей и общественных деятелей, и под их руководством в латышской литературе образовалось прогрессивное крыло, во главе которого стояли Райнис, Вейденбаум и другие.

Особую роль в борьбе «новотеченцев» с силами реакции играла литературная критика, которая именно в этот период переросла узкие профессиональные рамки и стала мощным оружием, с помощью которого отстаивались прогрессивные идеалы.

Самый бурный период борьбы «новотеченцев» приходится на первую половину девяностых годов. В 1897 году царское самодержавие разгромило «новое течение». Многие его деятели (Райнис, Стучка, Янсон-Браун и другие) были арестованы и сосланы. Такая же судьба постигла и руководителей нелегальных рабочих кружков.

Но дело, начатое «новотеченцами», продолжается. Популяризацию революционных марксистских идей берут на себя подпольные кружки, и труд их увенчивается созданием в 1904 году социал-демократической партии.

Однако Андрею Упиту еще было трудно ориентироваться в сложных социальных процессах. Сам писатель позднее, вспоминая об этом периоде своей жизни, отмечал:

«Приходилось много читать о склонности к художественному творчеству еще в ранней юности, о всяком там вдохновении, проблемах, исканиях и тому подобных высоких материях. Должен признаться, что в моих первых пробах пера всего этого не было и в помине. У меня было сильное желание что-нибудь написать, но для чего — этого я бы не сумел объяснить... Сам этот процесс меня несколько не радовал; он требовал усидчивой и кропотливой работы. Только закончив рассказ, я испытывал удовлетворение, что вот сумел что-то создать, и это было самым большим стимулом к дальнейшим пробам... У латышских писателей я мало чему мог научиться... Лучшей литературной школой мне служила литература других народов. Конечно, мне самому трудно определить, в какой мере я учился у своих любимых писателей, например, по роману — у Толстого, Достоевского, Золя и Флобера, по новелле — у Чехова, Анатоля Франса, Мопассана и Пьера Милля, по драме — у Горького, Ибсена, Герхарта Гауптмана и Бернарда Шоу. Знаю только, что влияние они оказали сильное и неизгладимое. Крайне важное значение в моем развитии имеет изучение истории и теории искусства и эстетики. Это в первую очередь приучало меня серьезно литературно мыслить, следить за полетом вдохновения, искать для передачи каждого оттенка особого выражения в специальной конструкции предложения и порядке слов».^[2]

Если в начале своей творческой деятельности Андрей Упит еще не смог подняться до литературно-публицистической практики «новотеченцев», то после революционного подъема

1905–1907 годов он становится главным продолжателем их традиций.

Из собственных слов писателя видно, что его ранняя литературная деятельность развивалась по двум направлениям — он писал... писал... и учился... учился, мучительно стараясь постичь тайны художественного мастерства.

Постепенно из приходского учителя он становится крупным специалистом по литературе и эстетике; из малоизвестного автора вырастает в подлинного мастера художественного слова.

Рассказы и новеллы, созданные в этот период — это первые серьезные творческие достижения писателя. Лучшие из них составили двухтомник «Маленькие комедии» (1909–1910), которые открывались циклом о «маленьких людях» (первый рассказ датируется 1901 годом).

В интерпретацию проблемы «маленького человека», которая получила такое широкое развитие в мировой и, в частности, в русской литературе, латышский прозаик вносит нечто особое и новое. «Маленький человек» Андрея Упита не просто забитый труженик, которому писатель выражает свое сочувствие и свои симпатии, он — мелок по своему характеру и своим устремлениям, старается выбиться в «большие», приспособиться к тем, кто сумел за счет других попасть «на верх». В душе подобного «героя», как в кривом зеркале, отражается нелепость буржуазного образа жизни. Разумеется, для раскрытия этого характера самая подходящая интонация — сатирическая. Видимо, поэтому писатель в своих первых рассказах и новеллах довольно широко пользуется средствами сатиры, пытаясь вскрыть всю никчемность и бессмысленность жизни в условиях капиталистического строя (новелла «Сердце» и другие). Именно в этих рассказах больше всего чувствуется влияние Чехова.

Сам писатель, вспоминая позднее об особенностях этого периода своей литературной деятельности, отмечал:

«В рассказах Чехова я обнаружил нечто родственное своим «Маленьким комедиям»... Как и его, меня привлекали эти мелочи будничной жизни, своеобразие поступков и черты характера искаленного ею человека, которые как бы отдельными живописными мазками характеризуют картину всеобщей спешки конца 90-х и начала 900-х годов... Я не стал учеником и подражателем ни Чехова, ни Горького, но должен признать, что для моего идейного и художественного роста они дали больше, чем любой из тех многих десятков западноевропейских и американских прозаиков, с которыми я познакомился за пятьдесят лет своей писательской деятельности».

Новеллы и рассказы, объединенные в сборнике «Маленькие

комедии» (части первая и вторая), основаны на конкретном материале житейских наблюдений и дают широкую галерею типов. Именно в этих произведениях начинает проявляться мастерство писателя, формируется его своеобразная творческая манера.

В рассказах, в основе которых лежит определенное и ограниченное во времени событие, психологическое развитие характера героя тесно связано с сюжетным ходом. В тех же произведениях, где внимание писателя сосредоточено на передаче внутренних переживаний человека, сюжет мало разработан. Это различие в принципах художественного построения дало основание критике говорить о двух типах рассказов и новелл Упита — сюжетных и психологических. К последним, с известными оговорками, можно было бы отнести и новеллы-портреты.

Подобное различие творческих приемов соблюдалось писателем довольно долго. Только в двадцатых годах Упит стал сознательно синтезировать эти различные принципы построения произведений.

С 1908 года начинается новый этап творческих исканий Андрея Упита, который продолжается до 1915 года.

Прежде всего бурные события 1905–1907 годов помогли писателю найти путь к революционному пролетариату. Он овладевает марксистским мировоззрением и навсегда связывает свою общественную и литературную деятельность с революционной борьбой пролетариата. Оставаясь на позициях последовательного критического реализма, Андрей Упит становится обличителем капиталистического общества.

Сознавая себя уже достаточно зрелым писателем, Андрей Упит в 1908 году оставляет учительскую работу. Для этого периода характерна его чрезвычайная творческая активность. В прямом смысле слова не проходит и дня, чтобы в каком-нибудь периодическом издании не появлялась публицистическая или литературно-критическая статья, подписанная Андреем Упитом (не считая публикуемых в периодике рассказов).

После поражения революции 1905–1907 годов реакционные силы перешли в открытое наступление. Казалось, что прогрессивные писатели уже не смогут активно противостоять различным реакционным, декадентским влияниям. Но лагерь реакции заблуждался. Во главе прогрессивной литературы встал Андрей Упит, выдвинувшийся к этому времени в ряды видных латышских критиков.

Поскольку печататься в буржуазной прессе почти не было возможности, по инициативе Упита был создан прогрессивный

ежемесячник «Изглитиба» («Просвещение»), привлекая внимание общественности в первую очередь своими литературно-критическими статьями. После закрытия этого журнала в 1910 году Упит создает новый, в идейном отношении близкий предыдущему печатный орган «Домас» («Мысли»), который просуществовал до начала первой мировой войны и потом возобновился уже во время буржуазной Латвии. Параллельно с этими изданиями Упит в 1911 и 1912 годах составляет и редактирует два альманаха «Вардс» («Слово»), две трети которых занимали литературно-критические статьи.

Вокруг журналов «Изглитиба» и «Домас» и альманахов «Вардс» группировались латышские марксистские литературные критики, среди которых самыми деятельными и продуктивными были Андрей Упит и Янсон-Браун. Их выступления в периодической печати разоблачали декадентов и других реакционно настроенных литераторов.

Не случайно в начале двадцатых годов уже в условиях буржуазной Латвии, когда Андрей Упит был арестован и через некоторое время освобожден из тюрьмы, один из реакционных писателей, имея в виду главным образом его публицистическую и критическую деятельность, писал: «Берегитесь! Лев снова выскочил из клетки!»

В этот период Андрей Упит публикует ряд обширных теоретических работ, разрабатывающих актуальные литературные и эстетические проблемы, а также выступает с краткими или подробными рецензиями, откликаясь буквально на каждую книгу латышского писателя. Особенного внимания заслуживает серия рецензий «Мотыгой по чертополоху», в которых автор широко использовал средства сатиры и публицистики.

«Между моими беллетристическими, литературно-критическими и публицистическими произведениями нет принципиальной разницы, они разделяются по жанрам, но их объединяет общая идея, тенденция, общественная или политическая цель», — писал он позднее в предисловии к XVIII тому своего собрания сочинений, изданного на латышском языке.

Если обратиться к публицистическим и литературно-критическим произведениям Андрея Упита тех лет, то можно с уверенностью сказать, что одного этого уже вполне достаточно, чтобы оставить заметный след в истории своей национальной литературы. Но, кроме активных выступлений в периодической печати, он уделяет большое внимание и созданию романов. Достаточно только перечислить их названия, чтобы составить представление о необычайно широком творческом диапазоне латышского писателя. За семь лет А. Упит опубликовал пять

крупных прозаических полотен: «Новые истоки» (1908), «В шелковой паутине» (1912) (этими романами открывается цикл «Робежниeki»), «Женщина» (1910), «Золото» (1914), «Ренегаты» (1915), в которых рисуется широкая картина эпохи с мастерски вылепленными персонажами. В этот же период писатель обращается и к драматургии, создав трилогию «Зов и отклик», «Один и многие» и «Солнце и пар», и выпускает единственную книгу лирических стихов «Маленькие драмы» (1911).

С 1908 по 1915 год Андрей Упит написал довольно много рассказов и новелл (сатирический цикл «Сверхчеловеки» (1909), сборники «Тревога» (1912) и «В страдную пору» (1915), хотя в этот период малым прозаическим жанрам он уделял значительно меньше внимания, чем романам.

Сатирический цикл «Сверхчеловеки» («Homo sapiens», «Рейнис и Юла, или Исправленный Шекспир» и «В сферах вечности») по своей идейной направленности занимает своеобразное место в творчестве Упита. Все три сатирические новеллы, направленные против декадентов, сыграли большую роль в борьбе с реакционным буржуазным искусством. Но особенно популярны стали они после того, как писатель переделал их в одноактные пьесы. Не было, наверно, ни одной любительской сцены в Латвии, где бы не ставились эти драматические миниатюры.

Сборник «Тревога» пронизан тем ощущением волнения, которое было вызвано революцией 1905–1907 годов у представителей различных общественных групп. Сами революционные события не описаны, а служат лишь фоном. Все внимание автора переключено на внутренние переживания человека. Поэтому весь этот прозаический цикл состоит как бы из ряда психологических портретов. В различных слоях общества это тревожное волнение проявляется по-разному: реакционного учителя охватывает страх («Тревога»), в мирную крестьянскую жизнь революционные события вносят драму, вырывая из лона семьи ее членов («На мостках»), бурные социальные конфликты в других случаях переплетаются с индивидуальными судьбами героев («Кошмар»).

Особое место в творчестве Андрея Упита занимает его сборник «В страдную пору» (1915), о котором он писал много лет спустя:

«Некоторые новеллы я демонстративно пытался написать согласно своей новой эстетической теории, показать, что, кроме обычной и затасканной психологии любовных переживаний и культивируемой декадентами эротике, существуют и другие человеческие чувства и переживания, достойные изображения («Хлеб»). В одной из новелл («Ивняк») так же подробно, как

обычно в рассказах изображают всякие любовные перипетии, я описал повседневный труд обыкновенного землекопа, изобразил физические ощущения и переживания, вызванные тяжелым трудом. В этом направлении работу не считаю законченной. Надеюсь к ней возвратиться и попытаюсь дать более широкое полотно, когда выясню те психологические и эстетические проблемы, которые меня занимают последнее время. Мне кажется, что тут кроются основы дальнейшего развития и претворения в жизнь социально-реалистического искусства».^[3]

В этот период Андрей Упит много внимания уделяет вопросам теории и истории литературы, в частности, пытается обосновать свое понимание специфики художественных особенностей жанра новеллы, классическими признаками которой он считает прикрепленность изображения к определенному событию, напряженность фабулы, концентрацию выразительных средств. Эти основные особенности жанра прослеживаются во всех лучших новеллах Упита. Но писатель не считал литературный жанр застывшим понятием и поэтому часто и охотно экспериментировал.

Сам Упит утверждает, что писать новеллы он начал тогда, когда работал над произведениями, составившими сборник «В страдную пору». А все небольшие прозаические сочинения, написанные ранее, именует рассказами, хотя среди них встречаются произведения чисто новеллистического характера.

Первая мировая война парализовала всю культурную жизнь латышского народа, в том числе и литературу. Уже летом 1915 года германская армия оккупировала половину латвийской территории — Курземе и Земгале. Линия фронта прошла по Даугаве. Рига — центр латышской культурной жизни — стала прифронтовым городом. Из нее эвакуировали фабрики, школы, учреждения, типографии вместе с рабочими и обслуживающими работниками. Прекратили свою деятельность все издательства и большинство периодических изданий. Интеллигенция рассеялась по Северной Видземе, тогда еще не оккупированной, а большая часть перебралась в Россию.

Перед тем как германская армия заняла левобережную территорию Латвии, царские власти приказали эвакуироваться оттуда всему населению. Около шестисот тысяч человек, терпя страшную нужду и лишения, пустились в странствия. Все центры России были переполнены латышскими беженцами.

Первая мировая война прервала и литературную деятельность Андрея Упита. Чтобы как-то существовать, он работает в прифронтовой полосе на строительстве укреплений — табельщиком.

Во время Февральской революции начинается активная политическая деятельность Андрея Упита. Его выбирают в Рижский Совет рабочих депутатов. Но этот период длится недолго. Осенью 1917 года германская армия занимает Ригу, а зимой 1917–1918 годов почти всю территорию Латвии. Оккупационные власти беспощадно подавляют любые попытки латышского народа реализовать завоевания Октябрьской революции.

Оккупанты посадили Андрея Упита в тюрьму. Там он написал сборник новелл «В оттепель», где описываются события, происходившие после Февральской революции. (Сборник смог выйти только в 1919 году.)

После освобождения из тюрьмы Андрей Упит, испытывая тяжелые лишения, живет в своей родной волости.

Осенью 1918 года происходят два события, которые смогли внести изменения в жизнь латышского народа. Это — революция в Германии и капитуляция Германии, завершившаяся Версальским миром. Но на территории Латвии политические обстоятельства чрезвычайно усложнились.

Для того чтобы в результате революции германская армия не покинула Латвию и не дала народу возможность установить здесь Советскую власть, в Версальский мирный договор был внесен особый пункт — немецкие военные силы должны остаться в Латвии для несения полицейских функций. С этой целью была создана специальная оккупационная армия под командованием фон дер Гольца, которую поддерживала и латышская буржуазия. По инициативе и при военной поддержке империалистических сил в ноябре 1918 года была провозглашена буржуазная республика. Но красные латышские стрелки, очутившиеся в России и сохранившие верность Советской власти, начали борьбу за Советскую Латвию, увенчавшуюся успехом. В первые дни января 1919 года была освобождена Рига и установлена Советская власть. Оккупантов удалось изгнать почти со всей территории. Только Лиепая с узкой полосой вдоль моря все еще удерживала армия фон дер Гольца.

Сразу же после освобождения Риги и установления Советской власти началось интенсивное революционное преобразование жизни. Хотя разрушения, вызванные войной и оккупацией, были огромны, народ с энтузиазмом включился в борьбу с разрухой. Начался и новый расцвет культуры. Правительство Советской Латвии пригласило Упита возглавить Отдел искусств Народного комиссариата просвещения, в ведении которого находились все области искусства и издательское дело. По инициативе этого отдела были основаны новые культурные заведения — театры,

консерватория. Академия художеств, художественные музеи и т. д. Начал выходить ряд периодических изданий, в которых Андрей Упит публикует статьи о задачах и характере нового пролетарского искусства, последовательно отстаивая принципы реализма. Эти статьи спустя год составят книгу «Пролетарское искусство».

Однако обстановка обострялась. Империалистические силы получали все новые и новые подкрепления. Наконец получившая значительную военную помощь армия фон дер Гольца перешла в контрнаступление, я уже в мае месяце красные латышские стрелки были вынуждены оставить Ригу. Еще до осени бои проходили в восточных районах Латвии, но и оттуда пришлось отойти.

Силам империализма удалось разгромить Советскую Латвию и на двадцать лет утвердить власть буржуазии.

После отступления красных стрелков из Латвии Андрей Упит какое-то время находится в Великих Луках, а потом в Москве. В это время в московских латышских изданиях печатаются некоторые его произведения. После мирного договора Советского правительства с буржуазной Латвией, в связи с начавшейся реэвакуацией беженцев первой мировой войны, в 1920 году вернулся на родину и Андрей Упит.

Сразу же после переезда границы Упита арестовали, и ему грозил военный суд. Демократически настроенные писатели и художники начали борьбу за его освобождение. К ним присоединили голос широкие народные массы.

Правящие круги буржуазной Латвии чувствовали себя еще не настолько сильными, чтобы не считаться с требованиями народа. После нескольких месяцев тюрьмы писателя освободили. И хотя он находился под полицейским надзором, у него все-таки появилась возможность снова заняться литературным творчеством.

Жизнь в буржуазной Латвии проходила в условиях острой классовой борьбы. Коммунистическая партия была загнана в глубокое подполье, но она направляла все прогрессивные силы к одной цели, чтобы в стране была восстановлена Советская власть. Борьба эта длилась до 1940 года.

В истории буржуазной Латвии отчетливо прослеживаются два периода. Первый — с 1919 по 1934 год, когда правительство еще прикрывалось фальшивой маской буржуазной демократии. В это время прогрессивные силы могли еще более или менее открыто выражать свои взгляды. Литература в это время развивается довольно активно.

В 1934 году происходит фашистский переворот и

ликвидируются самые жалкие остатки буржуазно-демократической «свободы». Произведения прогрессивно настроенных писателей были изъяты и занесены в список запрещенных книг.

«Это были самые отвратительные годы в моей писательской деятельности, — вспоминает Упит. — Мои книги, проникнутые социалистическими «настроениями», выбрасывались из библиотек, мои пьесы не осмеливался ставить ни один театр. Мое имя старались вычеркнуть из латышской литературы».

Трудные обстоятельства сказались на литературной работе Андрея Упита. Основные произведения писателя были написаны и опубликованы до 1934 года. В условиях фашизма его книгам приходилось преодолевать огромные препятствия. Но авторитет Андрея Упита был слишком велик, чтобы фашистский режим мог полностью приостановить его литературную деятельность.

Зимой, живя в Риге, потом в своей родной деревне, Упит вновь предается тому же интенсивному труду, который характерен был для него до первой мировой войны. Рабочий день писателя начинается в три-четыре утра и длится до позднего вечера.

О необыкновенно широком размахе его творческих возможностей свидетельствует даже простой перечень названий произведений. В это время создаются романы: «В преддверии грома» (1922), «По радужному мосту» (1926). «Под кованым каблуком» (1928), трилогия «На грани веков» (1937–1940). «Улыбающийся лист» (1937), «Тайна сестры Гертруды» (1939); цикл «Робежниеки» дополняется новыми романами — «Северный ветер» (1921), «Возвращение Яна Робежниека» (1932), «Смерть Яна Робежниека» (1933), «Тени былого» (1931). За исключением трилогии «На грани веков», рисующей жизнь латышского народа в XVII–XVIII веках, все романы посвящены проблемам современности и в известной мере являются энциклопедией народной жизни Латвии конца XIX и начала XX века.

Наряду с романами создается целый ряд пьес. Особенное значение имеют его сатирические комедии, остро бичующие пороки буржуазного общества. Самые примечательные среди них: «Купальщица Сусанна» (1922). «Муж вдовы» (1925), «Полет чайки» (1926), «Причины и следствия» (1927). «Здоровое тело» (1927), «Заколдованный круг» (1929), «Цветущая пустыня» (1930). «Победа Ешки Зингиса» (1933). Появляется начало исторической трилогии — трагедии «Мирабо» (1920) и «Жанна д'Арк» (1927). (Последняя по времени написания часть трилогии — «Спартак» была создана в годы Отечественной войны.)

Кроме того, Андрей Упит редактирует литературный отдел

журнала «Домас», ведет большую работу по воспитанию молодых прогрессивных писателей (после утверждения фашистского режима журнал был закрыт), создает теоретические труды — «История латышской письменности», «История романа», печатает много критических и публицистических очерков.

Хотя все эти работы свидетельствуют о полной зрелости писателя. — именно в жанре новеллы достигает он вершин мировой классической литературы.

Написанные за время буржуазной Латвии новеллы составляют шесть сборников: «Ветров противоборство» (1920), «Щепки в омуте» (1921), «За воротами рая» (1922), «Метаморфозы» (1923), «Голая жизнь» (1926). «Рассказы о пасторах» (1930), которые в известной мере и включают разработку этого жанра писателем, ибо в дальнейшем новелла уже не занимает такого места в его творчестве.

Каждый сборник в идейном и тематическом отношении представляет собой как бы законченный цикл. Разумеется, единство замысла и осуществления предполагает и единое стилистическое решение. Есть сборники с последовательно выдержанной стилистической манерой («Ветров противоборство»), но есть и такие, где даже в этом отношении имеется некоторое разнообразие. Характерный пример — книга «Рассказы о пасторах», которая объединена антирелигиозной темой. Некоторые новеллы — «Безбожник», «Искушение отца Страутмала» и другие написаны с резким сарказмом. Но порой писатель прибегает к иному художественному решению. Он показывает и духовную трагедию самих священников («Жемчужина из перстня». «Лунные тени»). Понятно, что в данном случае автору требуются и иные стилистические средства, другая тональность. Каждая новелла, по-своему трактуя родственную тему, в конечном счете способствует разностороннему решению единой проблемы всего прозаического цикла. Однако самостоятельность каждого произведения настолько велика, что сборники все же не превращаются в «романы в новеллах».

Уделяя темам современности главное внимание, Андрей Упит в эти годы довольно широко обращается и к истории. Наряду с романами и трагедиями историческая тематика довольно широко входит и в новеллы. Большая часть произведений, составляющих книгу «Голая жизнь», построена на историческом материале, который сам по себе не являлся для писателя самоцелью. Описание событий далекого прошлого не было уходом от решения актуальных вопросов современной жизни, а являлось лишь средством для более широкого и глубокого проникновения в суть социальных конфликтов, в

которых с наибольшей полнотой проявляется человеческая личность, ее сложный и напряженный внутренний мир.

Однако при всем идейно-тематическом единстве прозаических циклов каждая новелла совершенно самостоятельна и не утрачивает своей художественной силы даже тогда, когда целостность сборника нарушена. Идейно-тематическое единообразие — это определенный творческий прием автора. В целом все эти новеллы раскрывают огромное богатство сложного и противоречивого духовного мира человека.

Андрею Упиту удалось доказать, какое большое значение для художественного познания жизни играет малая эпическая форма. Так же как новеллы Чехова или Мопассана, маленькие новеллы латышского писателя становятся великими документами человеческой души.

В 1940 году была свергнута фашистская диктатура, и в Латвии вновь утвердилась Советская власть. Латышская литература могла наконец встать на путь социалистического реализма. Ей было у кого учиться и на кого равняться. В то же время огромное значение имели и те реалистические традиции, которые долгие годы складывались в условиях антагонистического общества. И главную роль в формировании этих традиций играло творчество Андрея Упита, который еще в условиях буржуазной Латвии последовательно отстаивал принципы реалистической литературы. Сам писатель назвал свой творческий метод досоветского периода критическим реализмом с социалистической тенденцией.

Советская власть в Латвии просуществовала только год. Этот сравнительно небольшой отрезок времени у Андрея Упита, как и у многих других писателей, был занят главным образом литературно-организаторскими обязанностями. В качестве председателя правления Союза советских писателей Латвии Андрей Упит в новых условиях осуществляет основные мероприятия по идейной перестройке латышской литературы.

Летом 1941 года Латвию оккупировали фашистские орды. Андрей Упит эвакуировался вместе с советским активом. В Кирове образовался один из центров латышской интеллигенции. Километрах в двадцати от Кирова находится деревня Кстинино, а неподалеку от нее дачный район. Здесь в небольшом деревянном домике провел напряженные и суровые годы Отечественной войны Андрей Упит. Но здесь, в тиши елового бора, писатель не был оторван от великих событий. Он редактирует литературное приложение к латышской газете «Циня», пишет публицистические статьи, направленные против фашизма. Трудовой распорядок его

дня остался тем же, каким он сложился за долгие годы.

Мне довелось попасть с фронта в Кстинино. В первую же ночь я заметил вдалеке не то огонек, не то звездочку. Вторая ночь — то же самое.

— Что это у вас тут за странная звезда, не поднимается и не опускается? — спросил я у своих товарищей по комнате.

Мой вопрос вызвал веселый смех.

— Никакая это не звезда. Это же окно Андрея Упита. Каждую ночь в три часа там загорается свет, начинается рабочий день писателя...

И здесь — на берегу далекой Вятки — ни на минуту не останавливалось перо Андрея Упита. Здесь был создан его роман «Земля зеленая» (1945), который ныне хорошо знает русский читатель и читатели многих других народов; были написаны историческая трагедия «Спартак», новеллы «Клав Брун», «Гостиница у Слиницы», «Потомок Роланда» и другие произведения.

После освобождения Латвии от фашистской оккупации литературная деятельность Андрея Упита продолжается в Риге. Хотя груз лет и заметно согнул его стройную фигуру, рука его все также крепко держит перо. Об этом говорит роман «Просвет в тучах» (1951), обстоятельная теоретическая книга «Вопросы социалистического реализма в литературе» и другие. Долгие годы он вел кафедру латышской литературы в Латвийском университете. С основанием республиканской Академии наук он становится директором Института литературы, возглавляет Союз писателей республики.

Теперь, когда почтенному писателю уже за девяносто, часть этих обязанностей он передал своим ученикам.

Почти пятьдесят лет назад, в трудном 1923 году, Андрей Упит в своих автобиографических заметках не без иронии заметил: «Где и в каких условиях мне лучше всего работать? Что на это скажешь? Некоторые восторженные стихотворения я сочинял, замерзая и голодая, иную ценную страницу написал на трясущейся, прыгающей полке товарного вагона или сидя возле круглого иллюминатора паровой каюты. А иная неудачная работа появилась в теплой комнате за удобным письменным столом. Я не знаю, влияют ли времена года и тому подобные условия на интенсивность литературной работы. Мне на своем веку так редко удавалось выбирать место, время, обстановку и тому подобные удобства. Что все это имеет значение — в этом не сомневаюсь. Но знаю одно: писатель есть писатель всегда и везде, или он не писатель».^[4]

Таким писателем в самом высоком смысле этого слова был и

остается Андрей Упит. Написано им необычайно много. По сути дела целая библиотека. Путь от скриверского пастуха до народного писателя и академика, Героя Социалистического Труда прошел в неустанном труде на благо своего народа и человечества.

notes

Примечания

А. Фадеев, «Письма», «Советский писатель», М. 1967, стр. 469.

А. Упит, Собр. соч. в 12-ти томах, т. 1, Гослитиздат, М., 1956, стр. 121–123.

А. Упит, Собр. соч. в 12-ти томах, т. 1, Гослитиздат, М. 1956, стр. 117–118.

А. Упит, Собр. соч. в 12-ти томах, т. 1. Гослитиздат, М. 1956, стр. 126–127.